

Аб (Abe) — типично американское сокращение библейского имени Авраам (Abraham). Имя стало исключительно популярным в США с середины XIX века благодаря президенту Аврааму Линкольну, которого в народе звали Дядюшка Аб и Честный старина Аб.

HONEST OLD ABE

Герои-американцы действуют во многих историях о Шерлоке Холмсе. В «Этуде в багровых тонах» важную роль играют американские мормоны. В рассказе «Пять зёрнышек апельсина» Холмс раскрывает секреты злойшей организации ку-клукс-клан. В повести «Долина ужаса» сыщик сталкивается с бандой, напоминающей ирландское тайное общество, существовавшее в США в XIX веке — «Молли Магуайерс».

Часто в записках доктора Уотсона Соединённые Штаты предстают страной, откуда герои возвращаются с какой-нибудь страшной тайной, раскрыть которую предстоит знаменитому сыщику.

— Мне, мистер Маултон, всегда приятно видеть американца, ибо я из тех, кто верит, что недомыслие монарха и ошибки министра, имевшие место в давно минувшие годы, не помешают нашим детям превратиться когда-нибудь в граждан некой огромной страны, у которой будет единый флаг — англо-американский.

ШЕРЛОК ХОЛМС («ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК»)

уже столько букв, что я без всякого труда могу прочесть и вторую записку. В ней написано: «ИЛСИ, Я ЖИВУ У ЭЛРИДЖА». Мне пришло в голову, что «Элридж» — название дома или гостиницы, в которой живёт человек, всё это написавший.

Инспектор Мартин и я с глубоким вниманием выслушали подробный и ясный отчёт о том, каким образом мой приятель разгадывал тайну пляшущих человечков.

— Что же вы сделали дальше, сэр? — спросил инспектор.

— Так как имя Аб употребляется только в Америке и так как всё дело началось с того, что из Америки пришло письмо, у меня были все основания предположить, что этот Аб Слени — американец. Кроме того, я подозревал, что за всем этим кроется какое-то преступление. Моё подозрение было вызвано тем, что миссис Кьюбитт с таким упорством скрывала от мужа своё прошлое. Я послал телеграмму в Нью-Йоркское полицейское управление мистеру Уилсону Харгриву, который не раз пользовался моим знанием лондонского преступного мира. Я запросил его, кто такой Аб Слени. Он мне ответил: «Самый опасный бандит в Чикаго». В тот вечер, когда я получил этот ответ, Хилтон Кьюбитт сообщил мне последнее послание Слени. Подставив под него уже знакомые буквы, я получил фразу:

ИЛСИ ГО . ОВЬСЯ К С . ЕР . И

Так я узнал буквы «М» и «Т», которые до сих пор мне не попадались, «ИЛСИ, ГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ!» Мерзавец от просьб перешёл к угрозам, а мне известно, что у чикагских бандитов слова не расходятся с делом. Я сразу же отправился в Норфолк со своим другом и помощником, доктором Уотсоном, но, к несчастью, мы прибыли тогда, когда самое худшее уже произошло.

— Большая честь — совместно с вами раскрыть преступление, — сказал инспектор мягко. — Однако, надеюсь, вы позволите мне сказать вам несколько откровенных слов. Вы отвечаете только перед собой, а я отвечаю перед своим начальством. Если этот Аб Слени, живущий у Элриджа, действительно убийца и если он удерёт, пока я сижу здесь, меня ждут крупные неприятности.

— Вам нечего беспокоиться: он не попытается удрать.

— Откуда вы знаете?

— Удрать — это значит сознаться в своей вине.

— В таком случае давайте поедем и арестуем его.

— Я жду его сюда с минуты на минуту.

— Почему вы думаете, что он придёт?

— Оттого, что я написал ему и попросил прийти.

— Я не могу поверить этому, мистер Холмс! Неужели он придёт потому, что вы попросили его? Не возбудит ли в нём подозрения ваше письмо и не попытается ли он скрыться?

— Всё зависит от того, как составить письмо, — сказал Шерлок Холмс. — Если не ошибаюсь, этот джентльмен уже идёт к нам собственной персоной вон по той дорожке.

По дорожке, которая вела к дому, шагал какой-то человек. Это был высокий, красивый, смуглый мужчина в сером костюме и широкополой шляпе, с чёрной жёсткой бородой и крупным хищным носом. На ходу он помахивал тростью и шагал с таким видом, словно всё кругом принадлежит ему. Наконец раздался громкий, уверенный звонок.

— Я полагаю, джентльмены, — спокойно сказал Холмс, — что вам следует спрятаться за дверь. Когда имеешь дело с таким человеком, нужно принять все меры предосторожности. Приготовьте наручники, инспектор. А разговаривать с ним предоставьте мне.

Американская полиция, в отличие от британской, состояла из множества не связанных друг с другом полицейских управлений. Каждое из них отвечало только за свою территорию, так что, выезжая за границу штата, преступники легко уходили от преследования.

Первое полицейское управление появилось в Нью-Йорке в 1845 году, позднее полиция была организована в Сент-Луисе, Бостоне, Чикаго и других крупных городах. Кроме полиции, охраной порядка и поиском преступников в США занимались многочисленные частные агентства. Самым известным из них было Национальное детективное агентство Пинкертон.

Полиция Нью-Йорка создавалась по образцу лондонской Столичной полиции и в своей работе ориентировалась на опыт Скотленд-Ярда. В конце века Детективный отдел, а потом и всю нью-йоркскую полицию возглавлял знаменитый детектив Томас Бирнс.

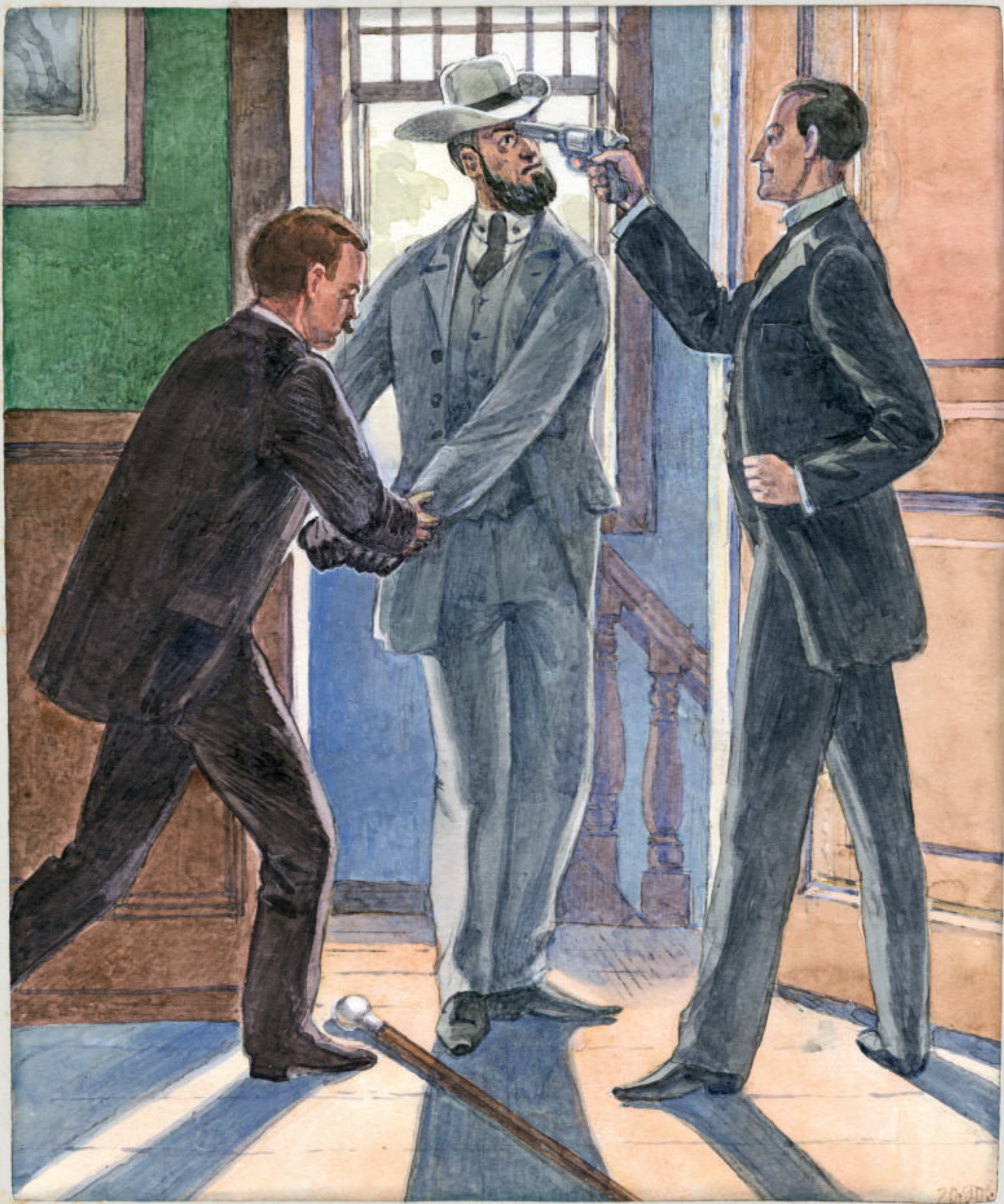
Он был уверен, что для успешной работы Детективного отдела полицейские должны как можно больше знать обо всех преступниках и бандах, действующих в США. В 1886 году вышла книга Бирнса «Профессиональные преступники Америки». В ней были собраны биографии сотен грабителей, воров и фальшивомонетчиков, а также описаны методы их работы. По распоряжению Бирнса в штаб-квартире полиции была создана «галерея негодяев» (Rogues' Gallery). Туда попадали фотографии всех преступников, пойманных в Нью-Йорке.

Бирнс уверял, что его подчинённые могут по «стилю преступления» узнать любого профессионального вора в стране. Неудивительно, что за информацией об американском преступнике Холмс обратился именно в Нью-Йоркское полицейское управление.

Будни патрульного полицейского в Нью-Йорке

Фотографирование преступника для «галереи негодяев»

В одно мгновение Коппе приставил револьвер к его лбу.

Целая минута прошла в тишине — одна из тех минут, которых не забудешь никогда. Затем дверь открылась, и наш гость вступил в комнату. В одно мгновение Холмс приставил револьвер к его лбу, а Мартин надел наручники на его запястья.

Всё это было проделано так быстро и ловко, что наш пленник оказался в неволе прежде, чем заметил нападающих. Он переводил с одного на другого взгляд своих блестящих чёрных глаз, потом горько рассмеялся:

— Ну, джентльмены, на этот раз вы поймали меня! Я столкнулся с чьей-то железной волей... Однако меня вызвала сюда письмом миссис Хилтон Кьюбитт... Нет, не говорите мне, что она с вами в заговоре. Неужели она помогла вам заманить меня в эту ловушку?

— Миссис Хилтон Кьюбитт тяжело ранена и находится при смерти.

Он громко вскрикнул, и крик его, полный горя, разнёсся по всему дому.

— Да вы с ума сошли! — заорал он яростно. — Он ранен, а не она! Разве у кого-нибудь хватило бы духу ранить маленькую Илси? Я угрожал ей, да простит меня Бог, но я не коснулся бы ни одного волоса на её прекрасной голове. Возьмите свои слова обратно — эй, вы! Скажите, что она не ранена!

— Она была найдена тяжело раненной возле своего мёртвого мужа.

С глубоким стоном он опустился на диван и закрыл лицо руками. Он молчал целых пять минут. Затем открыл лицо и заговорил с холодным спокойствием отчаяния.

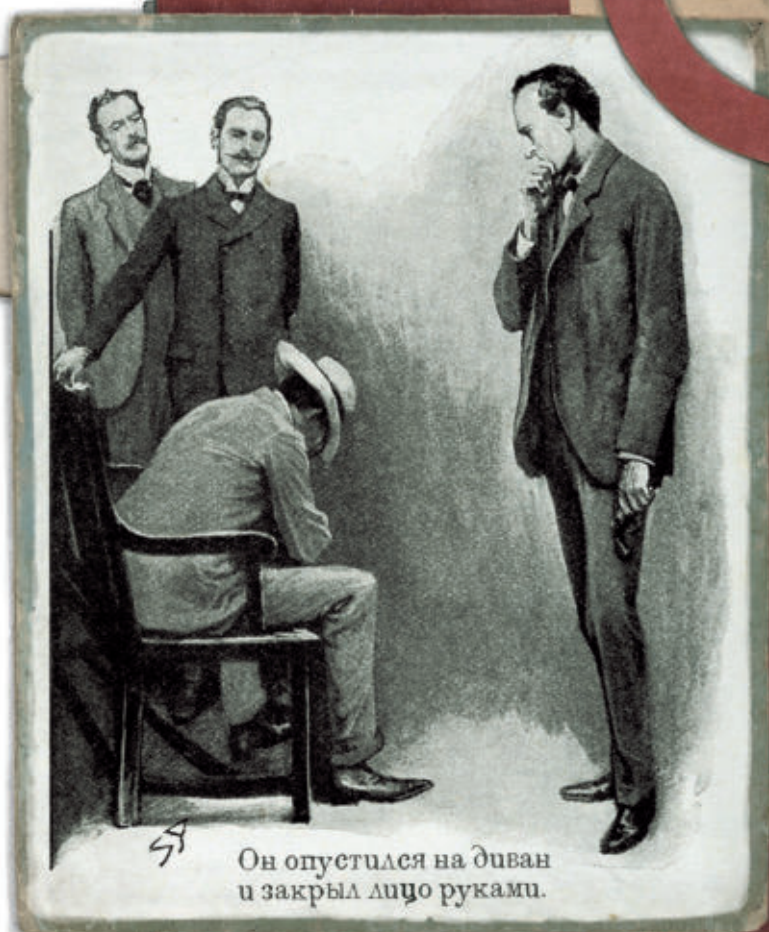
— Мне нечего скрывать от вас, джентльмены, — сказал он. — Я стрелял в него, но и он стрелял в меня, следовательно, это нельзя назвать убийством. Если же вы думаете, что я в состоянии ранить ту женщину, значит, вы не знаете ни её, ни меня. Ни один мужчина никогда не любил ни одной женщины так, как я любил её. Я имел все права на неё. Она была мне предназначена уже много лет назад. На каком основании этот англичанин встал между нами? Я первый получил на неё права, и я требовал только того, что мне принадлежит.

В конце XIX века в Британии полицейские использовали два вида наручников: английские (или «дарби») и американские (системы Джона Тауэра).

«Дарби» весили более фунта (почти полкило) и подходили не на каждое запястье — выпускались наручники на крупную, среднюю и маленькую руку. Если арестованный сопротивлялся, надеть на него «дарби» было непростой задачей, а справившись с ней, полицейский подвергался новой опасности — тяжёлыми стальными наручниками преступник мог нанести серьёзный удар.

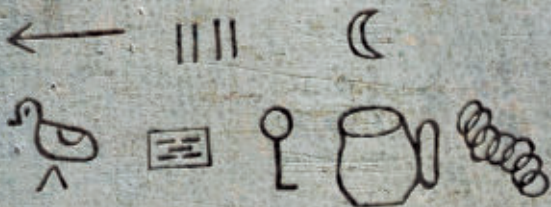
Американские наручники были легче и, по свидетельству самих полицейских, значительно удобнее в использовании: благодаря специальным насечкам наручники легко подгонялись по размеру запястья.

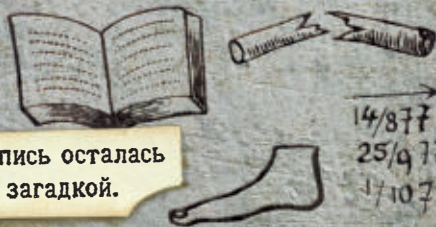
Он опустился на диван и закрыл лицо руками.

Он изобрёл буквы,
которые всеми
принимались
за детские каракули.

В своём пособии по криминалистике Ганс Гросс советовал полицейским обращать внимание на подозрительные знаки на стенах зданий, стволах деревьев или дорожных указателях. Ведь знаки, похожие на детские рисунки, отлично подходили для секретной переписки преступников — заметные всем, они не вызывали у прохожих никаких подозрений. С помощью таких знаков преступники сообщали о своём прибытии в город, предупреждали поделщиков об опасности или объявляли, что готовят ограбление. Бродяги отмечали тайными знаками те дома, где можно было получить подавание и еду или же сбыть краденое.

Эта надпись сделана на стене старой часовни. Первая её строка — объявление: некто планирует ограбить четвёртый дом от часовни (стрелка указывает направление) в ночь, когда луна будет в четвёртой фазе. Вторая строчка — это ответ. Птица, игральная кость, ключ, кружка и цепь — подписи тех, кто вызвался принять участие в ограблении.

А эта надпись осталась для полиции загадкой.

THE HANDWRITING ON THE WALL.

— Она рассталась с вами, когда узнала, кто вы такой, — сурово сказал Холмс. — Она бежала из Америки, чтобы спрятаться от вас, и вышла замуж в Англии за почтенного человека. Вы угрожали ей, вы преследовали её, превратили её жизнь в ад, старались заставить её бросить мужа, которого она любила и уважала, и бежать с вами... А вас она боялась и ненавидела. Вы кончили тем, что убили этого благородного человека и довели его жену до самоубийства. Вот ваши заслуги, мистер Аб Слени, за которые вам придётся держать ответ.

— Если Илси умрёт, мне всё равно, что будет со мною, — сказал американец.

Он разжал кулак и глянул в записку, лежавшую у него на ладони.

— Послушайте, мистер, — вскричал он, и глаза его недоверчиво блеснули, — а не пытаетесь ли вы меня попросту запугать? Если леди ранена так тяжело, кто же написал эту записку?

Он швырнул записку на стол.

— Её написал я, чтобы заставить вас прийти сюда.

— Её написали вы? На всём земном шаре нет ни одного человека, кроме членов нашей шайки, который знал бы тайну пляшущих человечков. Как могли вы написать её?

— То, что изобретено одним человеком, может быть понято другим, — сказал Холмс. — Вот приближается кэб, в котором вас отправят в Норидж, мистер Слени. Но у вас есть ещё возможность немного исправить причинённое вами зло. Известно ли вам, что миссис Хилтон Кьюбитт сама была заподозрена в тяжком преступлении — убийстве своего мужа — и что только моё присутствие здесь и добытые мною сведения спасли её от этого обвинения? Вы обязаны объявить на весь мир, что она ни прямо, ни косвенно не повинна в его трагической смерти.

— Так я и сделаю, — сказал американец. — Я вижу, что для меня выгоднее всего говорить чистую правду. Вам нужно знать, джентльмены, что я познакомился с этой леди, когда она была ребёнком. Наша чикагская шайка состояла из семи человек, и отец Илси был нашим главарём. Умный он был старик, этот Патрик! Это он изобрёл буквы, которые всеми принимались за детские каракули, пока вам не посчастливилось подобрать

к ним ключ. Илси узнала о некоторых наших делах и пришла в ужас, а так как у неё было немного собственных, заработанных честным трудом денег, она ускользнула от нас и уехала в Лондон. Мы были помолвлены, и она вышла бы за меня замуж, если бы я переменял профессию. А так она не желала иметь со мной ничего общего. Мне удалось напасть на её след только после того, как она вышла за этого англичанина. Я написал ей, но ответа не получил. Тогда я приехал сюда и, так как она могла не получить моих писем, я стал писать ей на таких предметах, которые должны были попасться ей на глаза.

Я живу здесь уже целый месяц. Я поселился на ферме. Комната, которую я снял, тем хороша, что расположена в нижнем этаже, и я мог выходить из неё по ночам, не привлекая внимания хозяев. Я изо всех сил старался переманить Илси к себе. Я знал, что она читает мои каракули, потому что однажды под ними она написала ответ. Наконец я потерял терпение и начал ей угрожать. Тогда она прислала мне письмо, в котором умоляла меня уехать, уверяя, что сердце её будет разбито, если её муж попадёт в какую-нибудь скандальную историю. Она пообещала мне поговорить со мной через окно в три часа ночи, когда муж её будет спать, если я дам ей слово, что после этого уеду и оставлю её в покое.

Разговаривая со мной, она стала предлагать мне деньги, чтобы откупиться от меня. Это привело меня в бешенство, я схватил её за руку и пытался вытащить через окно. В это мгновение прибежал её муж с револьвером в руке. Илси без чувств опустилась на пол, и мы остались с ним одни лицом к лицу. Я тоже был вооружён и поднял свой револьвер, чтобы испугать его и получить возможность уйти. Он выстрелил и промахнулся. Я выстрелил почти одновременно с ним, и он рухнул на пол. Я побежал прочь через сад и услышал, как сзади захлопнули окно... Всё это правда, джентльмены, и больше я ничего об этом не слышал, пока ко мне не прискакал парень с запиской. Прочитав записку, я побежал сюда и попал к вам в руки...

Тем временем к дому подъехал кэб; в нём сидели два полисмена.

К концу XIX века из всех американских городов Чикаго по численности населения уступал одному только Нью-Йорку. В Чикаго устремлялись тысячи искателей лучшей жизни со всех концов Америки, а также многочисленные иммигранты. Вместе с населением росло и количество преступлений.

Полиция появилась в Чикаго только в 1855 году. В следующие полвека полицейских в стремительно растущем городе всегда было недостаточно. К концу 1890-х годов, когда численность населения в Чикаго достигла двух миллионов человек, там было всего 1100 полицейских, в Нью-Йорке же на три миллиона жителей приходилось более 6000 сотрудников полиции.

Банды в Чикаго создавались в основном иммигрантами и постоянно пополнялись: приезжие примыкали к «своим» в поисках поддержки и защиты. Между городскими бандами то и дело вспыхивали конфликты, уличные стычки происходили не только в бедных, но и в богатых районах Чикаго.

THE "LONG MAN AND SHORT MAN" WHO HAVE TERRORIZED CHICAGO.
The Leaders of the Gang of Desperados Gathered in the...
An Astonishing List of Bold "Holds"

Преступники из Чикаго были известны далеко за пределами города, газеты по всей стране регулярно писали о новых преступлениях чикагских банд и о громких арестах их членов: фальшивомонетчиков, карманников, воров и грабителей.

Преступники Чикаго славятся своим безрассудством. Они стреляют быстрее и по менее значительным поводам, чем в любом другом городе.
Джон Дж. Флинн. «История чикагской полиции»

СУДЕБНЫЕ СЕССИИ

Большинство уголовных преступлений, которые совершались за пределами Лондона, разбирали в судах графств. Но наиболее серьезные дела, в основном об убийствах, рассматривали судьи из Лондона на выездных сессиях.

В конце XIX века в Англии было восемь судебных округов. Судьи посещали каждый округ в строго определенное время и за несколько дней разбирали накопившиеся там дела. В 1890-х годах в большинстве округов проводилось три выездные сессии в год: зимняя, весенняя и летняя. Таким образом, преступникам, арестованным в конце лета, как Аб Слени, приходилось ждать суда особенно долго — до зимней сессии.

Выездная сессия суда всегда становилась большим событием в жизни провинциального города. Судьям из столицы устраивали торжественную встречу, на заседания приходило множество зрителей, а у входа в здание суда толпились праздные зеваки, желающие поближе рассмотреть арестованных.

Инспектор Мартин встал и тронул арестованного за плечо:

— Пора ехать.

— Нельзя ли мне перед уходом повидаться с ней?

— Нет, она ещё не очнулась... Мистер Шерлок Холмс, мне остаётся только надеяться, что, когда меня снова пошлют расследовать какое-нибудь крупное дело, мне опять посчастливится работать вместе с вами.

Мы стояли у окна и смотрели вслед удаляющемуся кэбу. Обернувшись, я заметил листок бумаги, оставленный преступником на столе. Это была записка, которую послал ему Холмс.

— Попробуйте прочитать её, Уотсон, — сказал он улыбаясь.

На ней были нарисованы вот такие пляшущие человечки:

— Если вы вспомните мои объяснения, вы увидите, что здесь написано: «ПРИХОДИ НЕМЕДЛЕННО». Я не сомневался, что это приглашение приведёт его сюда, ибо он будет убеждён, что, кроме миссис Кьюбитт, никто так писать не умеет. Словом, мой дорогой Уотсон, этих человечков, столь долго служивших злу, мы принудили в конце концов послужить добру... Мне кажется, я выполнил своё обещание обогатить вашу записную книжку. Наш поезд отходит в три сорок, и мы приедем на Бейкер-стрит как раз к обеду.

Ещё несколько слов в заключение. Американец Аб Слени зимней сессией суда в Норидже был приговорён к смерти. Но, приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства и то, что Хилтон Кьюбитт выстрелил в него первым, суд заменил смертную казнь каторжными работами. О миссис Хилтон Кьюбитт мне известно только то, что она совершенно поправилась, что она всё ещё вдова и что она посвятила свою жизнь заботам о бедных и управлению поместьем мужа.

СУДЕЙ ВСТРЕЧАЮТ В СЕССИОННОМ ГОРОДЕ

ЕГО
ПРОЩАЛЬНЫЙ
ПОКЛОН

HIS LAST BOW

XX ВЕК

Вместе с XIX веком в Британии завершилась викторианская эпоха. В 1901 году умерла королева Виктория, и для миллионов британцев это означало, что мир уже никогда не будет прежним. На престол взшёл сын Виктории Эдуард VII, а после его смерти, в 1910 году, королём стал его сын Георг V.

Наступивший XX век поражал разнообразием и обилием технических новшеств. То, над чем десятилетиями упорно трудились изобретатели ушедшего века, теперь за считанные годы стало неотъемлемой частью повседневной жизни. На улицах место конных экипажей и омнибусов заняли автомобили, автобусы и электрические трамваи; огромные лайнеры с тысячами пассажиров на борту пересекали океан; маленькие аэропланы и гигантские дирижабли переносили людей по воздуху; пересылать телеграфные сообщения между городами и странами теперь можно было с помощью радиосвязи; появился удивительный способ создавать движущиеся изображения — кинематограф.

Невероятные изобретения стремительно меняли мир и открывали перед человеком множество новых возможностей.

Быть может, самым впечатляющим из достижений науки и техники стало покорение воздуха. В 1903 году американцы братья Райт совершили первый успешный полёт на аппарате тяжелее воздуха — аэроплане. Так было положено начало развитию авиации. Изобретатели в Европе и Америке создавали новые модели аэропланов, которые летали всё выше, дальше и быстрее. В Британии интерес к авиации невероятно возрос после того, как в 1909 году француз Луи Блерио совершил первый в истории перелёт через Ла-Манш. «Англия больше не остров», — писали об этом газеты, а публика по обе стороны пролива с нетерпением ждала новых подвигов авиаторов.

После викторианской эпохи с её относительной стабильностью и уверенностью в завтрашнем дне новый век казался временем разрушения незыблемых устоев.

Некоторые британские колонии уже получили право на самоуправление, а внутри Соединённого Королевства независимости упорно добивалась Ирландия. В Британии появлялось всё больше людей, недовольных устройством общества и готовых бороться за возможность его изменить. Своё право на лучшую жизнь и на участие в управлении страной отстаивали рабочие — была создана Лейбористская партия, представлявшая их интересы в парламенте. За право голоса боролись женщины, которые хотели участвовать в политической жизни наравне с мужчинами. На рубеже столетий даже убеждённые консерваторы осознавали неизбежность изменений. Но мало кто представлял, насколько значительные и грозные перемены приготовил Британии и всему миру новый XX век.

Было девять часов вечера второго августа — самого страшного августа во всей истории человечества. Казалось, на землю, погрязшую в скверне, уже обрушилось Божье проклятие — царило пугающее затишье, и душный, неподвижный воздух был полон томительного ожидания. Солнце давно село, но далеко на западе, у самого горизонта, рдело, словно разверстая рана, кроваво-красное пятно. Вверху ярко сверкали звёзды, внизу поблёскивали в бухте корабельные огни. На садовой дорожке у каменной ограды беседовали два немца — личности примечательные: за их спиной стоял дом, длинный, приземистый, со множеством фронтонов во все стороны. Немцы смотрели на широкую гладь берега у подножия величественного мелового утёса, на который четыре года назад опустился, как перелётный орёл, господин фон Борк, один из собеседников. Они говорили вполголоса, тесно сблизив головы. Горящие кончики их сигар снизу можно было принять за огненные глаза выглядывающего из тьмы злого демона, исчадия ада.

Незаурядная особа этот фон Борк. Среди всех преданных кайзеру агентов второго такого не сыщешь. Именно благодаря его редким талантам ему доверили «английскую миссию», самую ответственную, и начиная с момента, когда он приступил к её выполнению, таланты эти раскрывались всё ярче, чему свидетелями было человек пять посвящённых. Одним из этой пятёрки был стоявший сейчас рядом с ним барон фон Херлинг,

Этот рассказ вышел в свет в 1917 году, и всякому его читателю с первых же слов было ясно, что действие происходит в начале августа 1914 года. Это и правда было время, полное гнетущих предчувствий: в Европе начиналась большая война — «Великая война», которую впоследствии назовут Первой мировой. Британия вступила в неё всего через два дня после описанных в рассказе событий, объявив войну Германии.

На карте мира Германская империя появилась в 1871 году: она объединила многочисленные немецкие королевства, герцогства, княжества и вольные города. Страна быстро наращивала промышленную и военную мощь, а с 1880-х годов начала бороться за политическое первенство в Европе. Более того, Германия стала претендовать на передел сфер влияния во всём мире. Её политики говорили о том, что молодой империи недостаточно имеющихся колоний, а германской нации — жизненного пространства. Однако на пути к его завоеванию стояли крупные и могущественные державы, уже поделившие между собой большую часть мира, — Франция, Британия и Россия. Их, в свою очередь, с каждым годом всё сильнее беспокоил неуклонный рост немецкой армии и развитие военно-морского флота. Так что Европа жила в тревожном ожидании войны, и для её начала требовался только повод.

July		August		September	
☾	...	☾	...	☾	...
M	5 12 19 26	M	3 10 17 24 31	M	6 13 20 27
Tu	6 13 20 27	Tu	4 11 18 25 ...	Tu	7 14 21 28
W	7 14 21 28	W	5 12 19 26 ...	W	1 8 15 22 29
Th	1 8 15 22 29	Th	6 13 20 27 ...	Th	2 9 16 23 30
F	2 9 16 23 30	F	7 14 21 28 ...	F	3 10 17 24 ...
S	3 10 17 24 31	S	1 8 15 22 29 ...	S	4 11 18 25 ...
	4 11 18 25 ...				5 12 19 26 ...
October					
☾	...				
M	4 11 18 25				
Tu	5 12 19 26				
W	6 13 20 27				
Th	7 14 21 28				
F	1 8 15 22 29				
S	2 9 16 23 30				
	3 10 17 24 31				

Германской империей начиная с 1888 года правил Вильгельм II. Кайзер — так в Германии называли императора — считал, что его стране суждено достичь подлинного величия, и был готов добиваться этого любой ценой. Вскоре после восшествия на престол он заявил, что «лучше положить на месте все 18 корпусов немецкой армии и 42 миллиона немецкого народа, чем отказаться от какой-либо части территориальных приобретений Германии». Решать стоящие перед империей «великие задачи» призвана была немецкая армия, которая стала при Вильгельме первой в Европе и по численности, и по уровню подготовки.

Первый автомобиль с двигателем внутреннего сгорания запатентовал в 1886 году немецкий инженер Карл Бенц. Это была трёхколёсная машина с мотором в 0,75 лошадиной силы и максимальной скоростью 12 миль в час (около 19 км/ч).

Компания Карла Бенца первой в мире начала промышленное производство автомобилей и к 1910-м годам выпускала множество моделей грузовых, гоночных и легковых машин, в том числе лимузины — так назывались комфортабельные автомобили, в которых места для пассажиров были отделены перегородкой от сиденья водителя.

В викторианской Англии развитию автомобильной промышленности препятствовал «Закон о локомотивах»: скорость «самодвижущейся повозки» на дороге не должна была превышать четырёх миль в час (6,4 км/ч) за городом и двух миль в час в городе, к тому же перед такой повозкой должен был идти человек с красным флагом. «Правило красного флага» отменили только в 1896 году, тогда же разрешённую скорость увеличили до 14 миль в час.

К 1914 году самым доступным автомобилем в Британии был американский «Форд-Т» с двигателем мощностью в 20 лошадиных сил и максимальной скоростью 40–45 миль в час. Это была по-настоящему универсальная машина — компактная, экономичная, подходящая для всех.

В Британии форды производили на заводе в Манчестере. В 1910-х годах их на дорогах было больше, чем автомобилей британских марок, таких как «Уолсли», «Хамбер» и «Ровер».

первый секретарь посольства; его громадный, в сто лошадиных сил, бенц загородил собой деревенский проулок в ожидании, когда надо будет умчаться хозяина обратно в Лондон.

— Судя по тому, как разворачиваются события, к концу недели вы, вероятно, уже будете в Берлине, — сказал секретарь. — Приём, который вам там готовят, дорогой мой фон Борк, поразит вас. Мне известно, как высоко расценивают в высших сферах вашу деятельность в этой стране.

Секретарь был солидный, серьёзный мужчина, рослый, широкоплечий, говорил размеренно и веско, что и послужило ему главным козырем в его дипломатической карьере.

Фон Борк рассмеялся.

— Их не так уж трудно провести, — заметил он. — Невозможно вообразить людей более покладистых и простодушных.

— Не знаю, не знаю, — проговорил его собеседник задумчиво. — В них есть черта, за которую не переступишь, и это надо помнить. Именно внешнее простодушие и является ловушкой для иностранца. Первое впечатление всегда такое — на редкость мягкие люди, и вдруг натыкаешься на что-то очень твёрдое, решительное. И видишь, что это предел, дальше проникнуть невозможно. Нельзя не учитывать этот факт, к нему надо принаравливаться. Например, у них есть свои, только им присущие условности, с которыми просто необходимо считаться.

— Вы имеете в виду «хороший тон» и тому подобное? — Фон Борк вздохнул, как человек, много от того пострадавший.

— Я имею в виду типичные британские условности во всех их своеобразных формах. Для примера могу рассказать историю, происшедшую со мной, когда я совершил ужасный ляпсус. Я могу позволить себе говорить о своих промахах, вы достаточно хорошо осведомлены о моей работе и знаете, насколько она успешна. Случилось это в первый мой приезд сюда. Я был приглашён на уик-энд в загородный дом члена кабинета министров. Разговоры велись крайне неосторожные.

Фон Борк кивнул.

— Я бывал там, — сказал он сухо.

— Разумеется. Так вот, я, естественно, послал резюме своих наблюдений в Берлин. К несчастью, наш милейший канцлер не всегда достаточно тактичен в делах подобного рода. Он бросил замечание, показавшее, что ему известно, о чём именно шли разговоры. Проследить источник информации было, конечно, нетрудно. Вы даже представить себе не можете, как это мне навредило. Куда вдруг девалась мягкость наших английских хозяев! Её как не бывало. Понадобилось два года, чтобы всё улеглось. Вот вы, разыгрывая из себя спортсмена...

— Нет, нет, это совсем не так. Игра значит что-то нарочитое, искусственное. А у меня всё вполне естественно, я прирождённый спортсмен. Я обожаю спорт.

— Ну что ж, оттого ваша деятельность только эффективнее. Вместе с ними вы участвуете в парусных гонках, охотитесь, играете в поло — не отстаёте ни в чём. Ваш выезд четвёркой берёт призы в «Олимпии». Я слышал, что вы даже занимаетесь боксом вместе с молодыми английскими офицерами. И в результате? В результате никто не принимает вас всерьёз. Кто вы? «Славный малый», «для немца человек вполне приличный», выпивоха, завсегдатай ночных клубов — весёлый, беспечный молодой бездельник. Кому придёт в голову, что ваш тихий загородный дом — центр, откуда исходит половина всех бед английского королевства, и что помещик-спортсмен — опытный агент, самый ловкий и умелый во всей Европе? Вы гений, дорогой мой фон Борк, гений!

— Вы мне льстите, барон. Но я действительно могу сказать о себе, что провёл четыре года в этой стране не зря. Я никогда не показывал вам мой маленький тайник? Быть может, зайдём на минутку в дом?

Кабинет выходил прямо на террасу. Фон Борк толкнул дверь и, пройдя вперёд, щёлкнул электрическим выключателем.

С 1907 года международные соревнования по конным видам спорта ежегодно проводились в «Олимпии». Это грандиозное сооружение появилось в лондонском Кенсингтоне в 1886 году, там проходили крупные выставки и спортивные состязания.

Рейхсканцлером, то есть главой правительства, Германской империи был с 1909 по 1917 год Теобальд фон Бетман-Гольвег. Перед началом Первой мировой войны он предпринимал активные, хотя и не слишком успешные попытки укрепить отношения Германии с Британией.

На рубеже XIX и XX веков спорт занимал особенное место в мировоззрении британцев. Они были убеждены, что честная игра воспитывает честного человека, а спортивные занятия полезны не только для здоровья, но и для развития высоких моральных качеств.

В футбол, гандбол и хоккей, которые не требовали дорогостоящей экипировки, играли все и повсеместно. Росла популярность бокса и крикета. В частных школах и университетах занимались, помимо футбола и хоккея, парусным спортом, теннисом и регби. Аристократическими видами спорта были конная охота, гольф, поло и four-in-hand — так называли управление экипажем, запряжённым четвёркой лошадей.

